

Юн Шань был намного проницательнее и умнее Юн Ци. Хватило всего пары слов о наложнице Ли, чтобы принцу удалось одновременно напугать и обмануть старшего брата. У Юн Ци не было иного выхода. Он послушно, словно ребёнок, взял пиалу, поднёс ко рту и осушил её. Выпив весь чай, он опустил чашку на стол и, не выдержав, тотчас же спросил:

— Я правда смогу после обеда увидаться с матушкой? Отец-император уже дал на это согласие? Юн Шань, ты... Ты что делаешь? — Его изящные брови внезапно нахмурились.

— Я всего лишь помогаю старшему брату поторопиться, — соврал Юн Шань, вставая с места. Подойдя к Юн Ци, юноша уселся рядом и мягко продолжил: — Наложница Ли всё-таки долгое время была заточена в Холодном Дворце, и эта будет ваша с ней первая встреча. Если ты появишься перед ней роскошно одетым, боюсь, это будет несколько неуместно. — Вытянув руки, Юн Шань обвинил талию Юн Ци и заскользил по ней, словно ища застёжку, чтобы расстегнуть её и снять с пояса старшего брата множество украшений.

Юн Ци подумал, что так будет разумнее и, возможно, он зря упрекнул Юн Шаня, однако то, что младший брат сидел слишком близко, заставило его почувствовать себя немного неуютно, из-за чего юноша прошептал:

— Я сам расстегну, Юн Шань.

Одно небольшое усилие, вопреки ожиданиям, ни к чему не привело.

— Старшему брату не стоит беспокоиться. — Юн Шань придвинулся ещё ближе. Его горячее дыхание обжигало шею Юн Ци, однако тон его голоса звучал убедительно, заставляя Юн Ци думать, что младший брат по-прежнему серьёзен и говорит чистейшую правду: — Не вертись. Одна неосторожность — и подвески могут сломаться. Нам потом будет сложно объяснить это отцу-императору. Эти украшения — его подарки, и с нашей стороны такое легкомысленное обращение с ними будет считаться неуважением к Его Императорскому Величеству.

Поняв, что кто-то может посчитать его действия неуважением к отцу-императору, Юн Ци больше не осмелился упрячиться и прекратил сопротивляться, однако в глубине души все же сомневался, думая, что это лишь очередная отговорка Юн Шаня. Но если Юн Шань всё же прав, то Юн Ци мог навлечь беду, от которой пострадал бы не только он сам, но и находящаяся в Холодном Дворце наложница Ли.

Юноша был в нерешительности, и Юн Шань, уже зная, что его старший брат отступился от своей цели, полностью сдавшись, позволил себе больше вольности. Обе руки ещё сильнее обвились вокруг нежной и тонкой талии, взяв её в плотное кольцо, а сам Юн Шань с улыбкой произнёс:

— Я не думал, что эти украшения так трудно снимать. Надевать их было куда проще. Старший брат, потерпи ещё немного.

Пальцы передвинулись, словно хотели расстегнуть застёжку, но неизвестно как и, самое главное, без какого либо предупреждения скользнули внутрь, пробираясь глубоко под одежду. Если бы не нижнее тонкое платье, то пальцы Юн Шаня тотчас же коснулись обнажённой кожи старшего брата. Юн Ци сильно смутился и возмущённо взвился:

— Юн Шань.

Крепко зажав руки Юн Шаня, юноша не позволил младшему брату коснуться своего тела под одеждой.

Юн Шань совершенно не растерялся, а даже наоборот, ласково и с улыбкой сказал:

— Руки старшего брата действительно тёплые, как и тело. Сейчас держа в своих руках старшего брата, мне кажется, что я держу печь.

Юн Ци вдруг почувствовал, как его тело охватило странное непонятно откуда взявшееся тепло. Лишь одно слово Юн Шаня, и тело Юн Ци охватил жар, будто внутри него что-то медленно распалось, несмотря на зиму за окном.

— Пожалуй, в полдень я съем немного мясного блюда и выпью ещё одну чашечку чая, — сказал Юн Ци и, нахмутив брови, добавил: — Только сначала отпусти меня.

— Потерпи ещё немного, я скоро расстегну.

— Ты... Ты на самом деле только дурачишься.

Сердце Юн Шаня готово было растаять от охватившего его жара. Понизив тон, юноша прижался к уху Юн Ци и горячо зашептал:

— Старший брат всё чаще и чаще читает мне нотации. Но раз уж ты мой старший брат, то должен соответствовать этому образу. Иначе как ты станешь примером для младших?

Будучи в объятиях Юн Шаня, Юн Ци понимал тщетность своих попыток вырваться, да и открыто ругаться он бы не стал, прекрасно понимая, что это будет грубым нарушением правил приличия. Но, как назло, его тело накалялось, становясь обжигающе горячим. Подсознательно юноше хотелось, чтобы Юн Шань сильнее прижал его к себе и погасил этот странный огонь, охвативший его тело. Разомкнув губы, Юн Ци грустно спросил:

— Разве я не соответствую образу старшего брата? — Изящные брови, слегка приподнялись вверх, делая образ юноши ещё более нежным и привлекательным.

Юн Шань повел себя легкомысленно и обжёг горячим дыханием шею Юн Ци.

— Любимый старший брат, тогда почему вчера ночью ты позволил мне делать с собой такие постыдные вещи? Ещё и руку мою испачкал.

Юн Ци оказался в тупике. Юноше показалось, что его, одетого в дорогие шелка, внезапно раздели на глазах у толпы. Румянец, который до этого был едва заметен, усилился, став багрово-пунцовым. Окрасив шею, он перешёл на лицо и, казалось, добрался до самых кончиков волос, делая Юн Ци ещё более соблазнительным и обворожительным в глазах наследного принца.

— И не поспоришь, да? — Юн Шань ласково прижался к щеке Юн Ци. Это выглядело не только как безобидная шалость, но и как соблазнительная приманка. Тонкое тело в его крепких объятиях становилось невыносимо горячим. Подумав, что лекарство уже начало действовать, Юн Шань опустил взгляд и посмотрел на пах Юн Ци с одним лишь желанием — поскорее увидеть, как страсть охватывает тело старшего брата.

Однако Юн Ци сидел, сведя ноги вместе, да и на самом юноше было очень много зимней одежды — один слой ткани ложился на другой, скрывая все самое интересное. Даже если у Юн Ци действительно была эрекция, то как можно было её заметить?

Юн Шань очень внимательно всматривался в слои одежды, чувствуя, как его сердце полыхает, будто объятые огнём. Юноша скользнул рукой по талии Юн Ци и, не удержавшись, медленно положил ладонь на его пах, чтобы убедиться в своей правоте.

Юн Ци испугался и, внезапно схватив руку Юн Шаня, шёпотом спросил:

— Что ты собираешься сделать?

Юноша смутился, чем приятно удивил Юн Шаня. Младший брат приподнял уголки губ и с улыбкой ответил:

— Старший брат сделал что-то постыдное? Почему ты боишься чужих прикосновений?

Не обращая внимания на все попытки Юн Ци остановить его, Юн Шань запустил руку между ног старшего брата и продолжил искать член, что прятался под слоями одежды.

— Юн Шань, не надо!

Юн Шань, несмотря на лёгкую улыбку и непринуждённый вид, действовал крайне смело, и Юн Ци был не в состоянии ему препятствовать. Через короткое мгновение его рука протиснулась между ног старшего брата, и через толстую ткань юноше всё-таки удалось отыскать застенчивое и робкое достоинство Юн Ци.

Юн Ци тотчас же выдохнул, и с губ его сорвался тихий стон.

— Ты так возбуждён.

Услышав насмешливый тон младшего брата, Юн Ци густо покраснел от стыда.

— Нет... Это не так...

— Тело старшего брата такое слабое, однако среди бела дня, во время трапезы с младшим братом, как же так получилось, что достоинство Вашего Высочества вдруг окрепло? Смотри, ты стал ещё тверже, — с лёгкой улыбкой, продолжая вгонять в краску ни в чём не повинного старшего брата, Юн Шань ещё больше начал поглаживать и член Юн Ци.

От подобного натиска тело, которое Юн Шань держал в объятиях, тотчас же содрогнулось.

— М-м... А-ах... — почти плача, выдохнул Юн Ци. Начав постанывать, юноша ещё больше смутился и в недоумении изо всех сил закачал головой:

— Я не...М-м... Юн Шань, прекрати...

— Я лишь помогаю старшему брату и всё.

— Не надо... М-м! Не надо трогать! Ах... Умоляю тебя...

— Умоляешь меня? — зловеще улыбнулся Юн Шань, неожиданно останавливая свои движения.

— Раз старший брат так сказал, как я смею делать всё, что взбрѣдет в голову? М, тогда чем сейчас займѣмся? Старшему брату ведь понравился урок наставника Вана? В таком случае можно отправить нескольких слуг за учителем, чтобы снова повторить отрывок из трактата Лао-цзы и Чжуан-цзы. Или же ты хочешь пойти на встречу к наложнице Ли?

На этот раз Чан Дэфу налил в чай гораздо больше лекарства по сравнению с той малой дозой, что была нанесена на палочки для еды. Та ничтожная доля лекарства вместе с новой сейчас обрушились на тело Юн Ци, словно приливная океанская волна, которая заслонила собой небо и накрыла землю. Пока Юн Шань не трогал его член, Юн Ци мог хоть как-то терпеть, но сейчас, когда Юн Шань убрал руку, прекратив ласки, Юн Ци уже был не в силах себя сдерживать, его словно внезапно бросили в бушующий огонь.

Юноша был растерян и не мог больше сдерживаться. Юн Шань, прислонившись к уху, что-то шептал, Юн Ци же смог услышать лишь вопрос о наставнике Ване, а затем вдруг покачал отрицательно головой. Потом Юн Шань вновь спросил, на этот раз про наложницу Ли, но Юн Ци ещё сильнее замотал головой, напомнив чем-то детскую игрушку.

— Ты не хочешь увидеться с наложницей Ли?

— Хочу, но не сейчас. Чуть позже, — плавно произнёс Юн Ци.

Покачав немного головой, Юн Ци почувствовал головокружение, и жар, что охватывал его достоинство, не стихал, а наоборот усиливался. И чтобы унять этот жар, приносящий боль, Юн Ци без раздумий, не отдавая себе отчёта, потянул руку вниз.

Юн Шань, который всё это время наблюдал за Юн Ци, лоя взглядом каждое его движение, сразу же схватил скользнувшую вниз руку, крепко прижал к груди и, смеясь, спросил:

— Старший брат сказал мне, чтобы я не трогал его, тогда почему ты сам нарушаешь свои же правила? Так не годится, если я не трогаю, то и старшему брату тоже нельзя себя трогать.

Юн Ци сначала и сам не понимал, что он хочет сделать, и лишь когда Юн Шань остановил его, схватив за руку, юноша понял, что его разоблачили. В этот момент, охваченный дрожью и жаром, Юн Ци вне всякий сомнений безудержно хотел вытянуть руку и погладить изнывающую от желания плоть.

Пока Юн Ци не знал, куда деться от стыда, на его изящном и милом лице проступило сожаление. Юноша по-прежнему не мог скрыть вызванные действием лекарства страсть и желание. Его красивое лицо было очень соблазнительным.

Чем больше Юн Шань смотрел на Юн Ци, тем сильнее влюблялся. Юн Шаню несколько раз хотелось сильнее прижать юношу к себе и, навалившись сверху, передать свою любовь, чтобы она достигла самых потаённых мест души Юн Ци. Однако, Юн Шаню действительно нельзя было торопиться. Всё, что ему оставалось — терпеливо ждать, сдерживая себя. К счастью, наследный принц умел тщательно скрывать свои чувства, показывая лишь безэмоциональную маску. Несмотря ни на что, Юн Шань обнимал Юн Ци лишь до талии, не позволяя как себе, так и ему касаться себя. Юн Шань будто поддразнивал его, болтая ни о чём:

— Отец-император в последнее время стал чувствовать недомогание. Все чиновники без конца советуют ему всякие лекарства. Есть один довольно любопытный генерал-губернатор по имени Су, который специально отправил своего сына за тысячу вёрст к нам в столицу, чтобы тот вручил отцу-императору простого золотистого кота с зелёными глазами, сказав, что этот кот якобы священный. По его словам, этот кот может принести благополучие во дворец. И вот когда слуга спросил меня, что делать с этим котом, я ответил...

— Юн Шань. — Охваченный жаром Юн Ци был вынужден слушать пустую болтовню младшего брата, но, немного потерпев, он сдался и шёпотом стал умолять: — Отпусти меня. Отпусти... Мне... Мне очень больно...

Юн Шань посмотрел на Юн Ци, его обычно бледные губы сейчас были похожи на лепестки роз, такие же красивые, изящные и страстные. Казалось, что этот чистый сердцем и совершенно непорочный старший брат уже томился от желания, словно измученная жаждой рыба, выброшенная на берег.

— Старшему брату нездоровится? — спросил Юн Шань и заботливо добавил: — Хочешь, я позову придворного лекаря?

Юн Ци задыхаясь пролепетал:

— Ты... Ты...

Однако из-за беспричинно появившегося желания Юн Ци не в силах был отругать Юн Шаня. С чувством вины и обиды Юн Ци закусил нижнюю губу, невольно заставляя огонь страсти Юн Шаня вспыхнуть ещё сильнее.

— Старший брат, не нужно злиться. Если не хочешь звать придворного лекаря, то младший брат послушается тебя и не отправит слуг за ним.

Юноша ненавидел, когда посторонние люди говорили вязко и слащаво, однако теперь называться старшим и младшим братом ему особенно нравилось. Упомянув лекаря, Юн Шаню волей-неволей пришлось отпустить руку Юн Ци, которую он всё это время сжимал. Юн Ци неосознанно захотелось сразу же скользнуть вниз и приласкать себя, вот только ему так и не удалось этого сделать. Юн Шань, заметив, что старший брат вновь хочет прикоснуться к себе, поспешно схватил его руку, прижал к себе и со смехом произнёс:

— Дай немного свободы старшему брату, и он поспешит воспользоваться ею. Жаль только, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Юн Ци пришёл в смятение и засмутился. Юноша отвернулся, пряча лицо и дрожа всем телом.

Юн Шань испытывал крайнее сожаление. С одной стороны, он тихо ругал Чан Дэфу за то, что тот подсыпал слишком много лекарства, а с другой больше всего ненавидел себя за похоть, которая заставляла его быть таким жестоким и специально мучать несчастного старшего брата. Однако в тоже время ему хотелось сдержаться, и остаться человеком высших моральных качеств, святым, который скорее умрёт, чем сделает что-то порочное. В нём снова и снова сражались страсть и трепетная любовь, и всё же страсть в конечном счёте одержала вверх. Сдерживая тоску в сердце, Юн Шань крепко сжимал Юн Ци в своих объятиях, не давая юноше сделать вдох. Даже если бы он не позволил старшему брату выпить это лекарство, и, хорошенько подумав, пощадил и отпустил бы его, то после всего случившегося Юн Шань мог бы ещё больше напугать юношу своим порывом чувств, и тогда Юн Ци больше никогда не позволил бы ему сделать нечто подобное.

Два тела были охвачены дрожью. Обнимая друг друга, юноши чувствовали, что их сердца поглощает странное бушующее пламя, которое никак не могло потухнуть. Они молчали, закусив губы, и упрямо терпели, с трудом сдерживая страсть.

Мягкие косые лучи послеполуденного солнца проникали сквозь большое окно, заполняя собой большую часть комнаты. Однако эти лучи не шли ни в какое сравнение с тем огнём, что сейчас

бушевал в их сердцах и охватывал их тела.

От долгого томление на лбу Юн Ци выступила испарина. Его лицо постепенно становилось влажным, делая кожу ещё более сияющей.

Из-за того, что Юн Ци с силой кусал нижнюю губу, на ней остались мелкие отметины.

Юн Шань, прекрасно зная натуру Юн Ци, предполагал, что скоро юноша не выдержит и начнёт умолять его. Нужно было лишь запастись терпением и ждать, когда он два или три раза прошепчет слова мольбы. Юн Шань нарочно запрашивал невероятно высокую цену, действуя методом кнута и пряника, чтобы потом всю ночь дарить Юн Ци сладостное наслаждение. Вот только Юн Шань не мог предположить, что Юн Ци будет слишком застенчивым и после его нескольких язвительных фраз совсем замолчит, мучительно сдерживая своё желание.

В душе Юн Шань сильно раскаивался. Он хотел победить тигра, но, вопреки ожиданиям, сам оказался в неудобном положении. Ему было так обидно, что, казалось, ещё немного — и он отвесит себе пару пощёчин.

Юноша исподтишка поглядел на лицо Юн Ци, понимая, что ему вечность придётся ждать, когда тот заговорит. И это пугало.

Юн Ци же, напротив, жил в постоянном страхе и всегда был человеком нерешительным. Понимая, что Юн Шань не отпустит его руку, он ощутил, как на его глазах появились слёзы. Более того юноша совершенно не видел смысла умолять младшего брата. И, должно быть, думал, что лучше уж умереть, чем позволить ему, Юн Шаню, прикоснуться к себе.

От одной только этой мысли внутри всё похолодело. И непонятно откуда взявшийся морозный воздух внезапно затушил пылающую страсть.

<http://bllate.org/book/13372/1189572>